

Инна Соловьева

Дом, уходящий сквозь ЗОЛОТО ЛИСТВЫ

"Золотая маска" — единственная профессиональная премия, которая вручается коллегами коллегам за их сценические создания как символ уважения, как признание неоспоримости факта: театр существует. По поводу завершившегося фестиваля уже много сказано, но нам представляется уместным вернуться к нему, потому что оценки, высказанные одним из наших самых взыскательных театральных деятелей Инной Натановной Соловьевой, принципиальны и точны не только по отношению к театру, но и к пишущим о нем. Это интервью мы перепечатаем из газеты "Первое сентября".

— **Инна Натановна, зачем при вашей бесконечной занятости, научной и педагогической, вы согласились принять участие в таком хлопотном деле, как фестиваль "Золотая маска"?**

— Приглашение стать членом жюри мне было лестно. Оно исходило от секретариата творческого союза театральных деятелей — конкретно от людей, которых уважаю, иных просто люблю. Я уважаю дело, участвовать в котором меня позвали. Мне это дело нравится. И очень не нравится та обстановка, которую пробуют вокруг него создать мои самовлюбленные и нервнические коллеги, пользующиеся случаем лишней раз самоутвердиться самым дешевым, самым доступным, самым низким способом: браня спектакли, которые все недостаточно для них хороши. Ох, вечный наш знакомец лакей Яша из чеховского "Вишневого сада"! Шампанское он вылакает не иначе, как сказавши о нем: шампанское не настоящее, уверяю вас!

Ей-Богу, если тебя из вечера в вечер клонит в сон, поют ли перед тобой оперу Вагнера или показывают тончайшие новые "высокие технологии" актерского мастерства, разрабатываемые в постановках пьесы Юджина О'Нила "Луна для пасынков судьбы" (существеннейшая, на мой взгляд, работа режиссера Климса с петербуржцами), ну либо пропусти один денек, выпись в свое удовольствие, либо подумай, стоит ли заниматься делом рецензента, коли так уж сонлив, так уж скучлив, так уж тебе неинтересно вообще в театре. Может быть, дело в тебе, в критике? Не злоупотребляешь ли афоризмом: покупатель всегда прав? Афоризм из сомнительных. Мало ли покупателей-капризников, приходящих в магазин, чтобы найти все товары недостойными себя, любимого.

Что до меня, мне — слава Богу — вообще не так уж часто бывает скучно; на спектаклях "Золотой маски" испытывала разные ощущения (и неприятные тоже), но не скуку. И уж точно не чувство своего превосходства над увиденным.

Фестиваль давал подкрепление моему терпеливому, на долгий срок рассчитанному оптимизму. У театра (и в этом смысле он, как всегда, модель нашей общественной жизни) сегодня не лучшая пора, но уж точно — не худшая. У театра есть живая, спокойная, веселая и достаточно разнообразная в своих вкусах публика. Если залы не ломились, то уж точно не пустовали.

Разнообразная публика, разнообразная театральная жизнь. Не расцвет, но живая жизнь. Это хочется повторить. — Жизнь, кардиограмма которой неровна. Но ровная-то линия возникает тогда, когда сердце вообще не работает. А оно работает. Частит. Сбивается. Но работает.

Провалы есть? Есть. Но не так уж они глубоки... Подъемы не так высоки, как хотелось бы. И все-таки.

— **Были ли среди фестивальных спектаклей те, что показались вам вершиной? Настоящим театром?**

— Да. И не в сравнении с каким-то средним уровнем данного сезона (не такого уж блистательного, богатого), но в сравнении со всеми моими накоплениями театрального зрителя за десятилетия лет.

Можно, конечно, огорчаться, что в дни фестиваля в Москве нельзя было увидеть двух самых весомых, самых высоких работ. Так вышло. Ни театры, где созданы эти шедевры, ни организаторы "Золотой мас-

ки" не виноваты, что вышло так. Огромная потеря для московской публики, что в дни фестиваля не мог пойти спектакль Малого драматического театра — постановка Льва Додина "Пьесы без названия" Чехова. Спектакль МХАТа имени Чехова "Три сестры" москвичи знают, но в программу фестивальных просмотров он не смог войти (гастроли в США, декорации не успели вернуться). Смотреть эти два спектакля лучше всего именно рядом, в их благородном диссонансе и в их сложнейшем эстетическом и философском взаимодополнении. Отсутствие этого соседства в пределах фестиваля — повторю еще раз — огромная потеря. Потеря. Но ни в коей мере не повод для неприличных критических догадок. Ох, меня опять заносит в эту сторону! Слишком многие постыдили своим поведением профессиональный цех, к которому принадлежу. Остается мрачно напевать: "С этим что-то делать надо, надо что-то предпринять..."

Так о вершинах.

"Пьеса без названия". Композиция по 280-страничной рукописи, через много лет после смерти Чехова найденной в архиве. Чехов свои рукописи не берег, как правило, — странно, что сберег именно эту, юношескую, хаотичную, неприятную, неопрятную даже. Странный и мучительный, свернутый каталог будущих тем и художественных приемов гения.

Работа Додина мощнейшая. Поразительны сила режиссерской мысли, умение доводить ее до последней клеточки многопланного сценического зрелища. Действие идет на трех разных уровнях — то, чем живут внизу, на узком бережке авансцены, и то, чем живут на основном помосте — террасе в усадьбе, и то, что происходит на "верхнем ярусе", где действующие лица соседствуют с группой джазистов, связано ритмом пугающе свободным, пугающе зависимым, выдающим кипение сил, не злых, быть может, но самоистребительных в своем избытке и в своей ненужности.

Спектакль Додина — сам полный сил — мрачен в своем взгляде на жизнь, переполненную сожалениями, отравляющуюся ими. Спектакль имеет право на мрачность. Так же как имеет право на странный, поэтический, высокий свет спектакль Олега Ефремова, в котором видно, как жизнь в доме Прозоровых слабеет, кончается, отходит в небытие. Когда нежный и жилой дом, впервые и прощально обратясь лицом к нам, в финале уходит, когда его уже нет, когда есть только красноватое, зеленящее, неуловимое золото листвы (чудо художника Валерия Левентала — вот кому лишь в силу злосчастной "накладки" с переездом декораций по океану не досталась "Маска") — в горле комок, на глазах слезы, и бесконечно высоко на душе. Уж простите этот "всхлип".

Спектакль "Три сестры" в той же мере связан с вопросами "бытийственными", как и "Пьеса без названия". Вопрос о смысле жизни — о его присутствии или отсутствии. Решение вопроса у Чехова (и у обоих режиссеров) менее всего связано с социальными условиями ("безвременье" и прочее). Решение переносится на иной уровень. Смысл связывается с присутствием (или отсутствием) того в жизни, что Чехов в "Скучной истории" называет "общей идеей, или Богом живого человека". В "Трех сестрах", поставленных вполне атеистичным Олегом Ефремовым, жизнь в последний раз от-

чаянно вскрикивающая (прощальный вскрик Тузенбаха-В.Гвоздичкого не забыть) и затем утихающая, заканчивающаяся, истаяющая в Левенталевской листве, — эта жизнь таинственно осмыслена.

Оба спектакля — "по Чехову", одинаково преданы автору, понятному в его, автора, муке, безнадежности и надежде.

Вот эти двое — Додин и Ефремов — и стали лауреатами "Маски".

Рядом с ними не стыдно "проиграть". Но я не считаю проигравшей "Грозу" Генриетты Яновской — спектакль, в котором так очевидны талант режиссера, дивное дарование Эры Зиганшиной (впервые на моей памяти роль Кабановой-матери так неожиданно, так тонко, так сильно очерчена), в котором есть такой загнанный, несчастный, убежденный Кулигин (мой поклон актеру И.Ясуловичу), в котором первоклассная работа сценографа С.Бархина. Раскрывая "кухню" жюри, могу признать: Яновская в номинации "Лучший режиссер", как и Зиганшина в номинации "Лучшая женская роль", до последней минуты, когда в списке уже оставалось только двое, воспринималась достойной своего соперника (как и соперник был достоин ее).

Я рада, что участвовала в "Маске". Искусство не то чтобы давало утешение в нашей довольно горькой и трудной жизни; если оно и утешает, то как-то по-своему. Своей силой. Своей "несминаемостью", "нерастапываемостью". Ну это трудно объяснить. Хотя легко понять.

— **Как вели себя на спектаклях зрители?**

— Зрители-то вели себя хорошо, естественно. Как вели себя наши полупрофессионалы (критиками не хочу их звать) — не заводите меня сызнова! Как это у того же Чехова говорит Гуров в "Даме с собачкой". Приезжает обыватель из Белева или Жиздры в Крым, фыркает: ах, скучно. Ах, пыль. Можно подумать, он из Гренады приехал. Полупрофессионалы вели себя "приезжими из Гренады". Всю жизнь в Альгамбре, питаются артишоками, пела им до сих пор по личному заказу одна Каллас. Журналисты самоутверждались, как им позволяло их положение в редакциях. Унижали актеров. Писали неточно и грубо. Противно.

В противовес этому выделила бы "профессиональную" газету, делающую силами самых молодых. Хорошие интервью. Пристойные рецензии. Тон если и не всегда одобрительный (зачем бы?), но всегда воспитанный.

О зрителе вы спросили... Может быть, я ошибаюсь. Но кажется, что и у настоящих критиков, и у публики наметился поворот. Боюсь парадоксальничать, но не станвится ли сейчас — в противовес резкостям и разрушительной технике "авангарда", в котором не стоит слишком быстро разочаровываться, — не станвится ли сейчас привлекательной хрестоматийность? Только по-настоящему, как я бы истолковала это понятие. Хрестоматийность ведь не свод банальностей. Это свод нестандартных ценностей. Выборка лучшего. Выборка того, что способно связывать поколения. Выборка того, что знал на память дед, знаем мы, будут знать внуки.

В общем, "Горит Восток зарею новой"...

Будем надеяться — горит!

Беседовала
Натэла ЛОРДКИПАНИДЗЕ

● *Сцена из спектакля "Пьеса без названия"*

Экран и сцена, 1998. — март-апр. — (212)